

Неустрасимость государева в плавании по морю

В первом томе «Деяний» (стр. 259) описано постигнувшее великого государя крайнее бедствие в безопытном еще плавании его на Белом море, когда от жесточайшего штурма и самые

опытные мореходцы приведены были оным в ужас, лишивший их всякия решимости, кроме одного его и простого кормщика; и как на сем морском судне находилось несколько иностранцев, взятых им с собою из Архангельска, то один из сих о сем бедственном приключении изъясняется тако: «Когда царь в 1694 году от пристани Архангельской выехал в океан, то такая страшная поднялась буря, что все с ним бывшие пришли в черзвычайный ужас и стали молиться, приуготовляясь к смерти; один только младый государь казался нечувствительным к ярости свирепствующего моря. Он равнодушно возлож на себя обещание, ежели благовременный подастся случай и не воспрепятствуют государственные нужды, побывать в Риме и отдать поклонение мощам Св. Апостола Петра, своего патрона, пошел к кормщику и веселым видом ободрял к должности всех унынием и отчаянием пораженные сердца».

Смотри о сем «Acta Eruditorum», anno 1708, pag. 218.

Сие засвидетельствование важно, яко от иностранца, и само по себе почтено быть не может пристрастным; но мы дополним еще здесь оное. Помянутый кормщик был тамошний Ньюхонской волости крестьянин Антил Панов: он только один с монархом в общем том страхе не потерял решимости; и как сей крестьянин был презнающий на тамошнем море кормщик, то когда государь пришед к нему, стал ему в деле его указывать и куда должно направлять судно, то сей с грубостию отвечал ему: «Поди, пожалуй, прочь! я больше твоего знаю и ведаю, куда правлю». И так когда управил он в губу, называемую Унские рога, и между подводных камней, коими она была наполнена, счастливо проведя судно, пристал к берегу у монастыря, называемого Петроминским; тогда монарх, подошед к сему Антилу, сказал: «Помнишь ли, брат, какими ты словами на судне меня отпотчивал?» Крестьянин сей в страхе падши к ногам монарха, признавался в грубости своей и просил помилования. Великий государь поднял его сам и, три раза поцеловав в голову, сказал: «Ты не виноват ни в чем, друг мой; и я обязан еще благодарностью тебе за твой ответ и за искусство твое». И тогда же переодевшись в другое платье, все бывшее на себе, измоченное даже до рубашки, пожаловал ему в знак памяти и сверх того определил ему же годовую до смерти его пенсию.